

© И.В. СКИПИНА, О.Н. НАУМЕНКО, В.В. МОСКОВКИН,
А.А. КОНОНЕНКО, А.П. ЯРКОВ

DSkipin@mail.ru

УДК 94 (470 + 571): 303.446.4

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ В РОССИИ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются итоги и перспективы историографического изучения истории гражданской войны в России. Отмечена результативность использования когнитивно-информационной теории в исторических исследованиях

SUMMARY. The article deals with the results and prospects of historiographical research of Russian civil war history. The affective application of the cognitive-informational theory in historical research is considered.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Новейшая историография, гражданская война, 1918-1922 годы.

KEY WORDS. Contemporary historiography, civil war, the period of 1918-1922.

Современная историография гражданской войны в России является частью научного пространства, в котором со всей полнотой отражаются процессы, происходящие в гуманитарной сфере. Исследователи революционного периода переживают ломку стереотипов, смену методологических предпочтений. В свет выходит значительное количество публикаций, однако, несмотря на активное изучение периода 1918-1922 гг., нельзя считать его изучение завершенным. Выявление учеными многочисленных нюансов и особенностей, как регионального, государственного, так и мирового масштаба, имевших место в ходе войны, да и после нее, делают тему еще более насыщенной и актуальной.

В настоящее время рассматриваемой проблемой занимаются историки, которые изучают конкретные вопросы периода 1918-1921 гг., сопровождая их историографическим экскурсом, а также историографы гражданской войны [1]. Объектом их анализа являются вопросы методологии и организации исследовательской работы, научные направления и школы, источниковая база разработок и, конечно, сами исследования и их проблематика. Одной из специфических черт новейшей историографии является методологический плюрализм, который во многом обусловлен демократизацией общества, включением российских ученых в мировую науку. По мнению А.А. Кононенко, сегодня имеет место симбиоз старых и новых подходов. В то же время Г.М. Ипполитов уверен, что не исчерпан потенциал формационного подхода и дальнейшее изучение гражданской войны в России возможно как на основе формационного, так и цивилизационного подхода. С ним солидарен С.А. Прокопенко, который допускает возможность синтеза указанных подходов в научных исследованиях. Многие ученые под-

держивают идею использования цивилизационного подхода в анализе историографических проблем [2]. Большинство авторов подчеркивает необходимость расширения инструментария историографического анализа. В.И. Бажуков указывает на результативность герменевтики, феноменологии, антропологии в изучении военных вопросов. Особую роль он отводит идеографическому и нометрическому методам, позволяющим обратить внимание как на индивидуальные особенности тех или иных явлений войны, так и на общие закономерности их функционирования и развития. В то же время ряд авторов отмечает ограниченность антропологического и генетического метода в изучении революционных событий. Известный уральский ученый В.Д. Камынин убежден в эффективности использования модернизационного анализа в историографии. Этот подход, по его мнению, дает возможность просматривать изучение темы как непрерывный процесс накопления исторического знания, не отрицая вклада ни одного из поколений ученых в ее развитие. Он подчеркивает: «Развитие исторической науки в условиях научного и методологического плюрализма привело к тому, что историография перестала лишь сберегать наработанное наследие и стала активно содействовать методологическому и концептуальному обновлению исторической науки» [3; 17]. Несмотря на многоплановость теоретических посылов, большинство исследователей руководствуется фундаментальными принципами объективности, историзма, компаративистики, но их явно недостаточно в условиях нарастания объема информации.

Практика показывает, что историографы не только оценивают качество трудов по степени обеспеченности источниками, но и сами привлекают документы для доказательства и аргументации авторской позиции. А.С. Верещагин, много лет занимающийся проблемами историографии революционного периода, заметил прогресс в концептуальной сфере, категорийном аппарате, структурировании источниковой базы работ. Он пишет, что в новейших исследованиях используются не только официальные документы, но и личная переписка, мемуары, дневники, литературные произведения, что следует считать положительным явлением. Наблюдения привели его к выводу о том, что «в последнее время изменение в структуре источниковой базы (например, отказ от делопроизводственной документации победившей стороны) характеризуется стремлением на основе не традиционной для позитивистской методологии источниковой базы по-новому осмыслить историю гражданской войны в России. Однако полностью выстраивать исследование на нетрадиционных источниках (слухах, сплетнях, частушках, анекдотах) в целях воссоздания целостной картины, хотя бы умонастроений обывателей той поры — явление экзотичное, чаще подобный фактический материал служит подспорьем при выстраивании повествования на недоступной ранее конфиденциальной информации в первую очередь из советского делопроизводственного ряда» [4; 99]. С данным заключением нельзя не согласиться, как и с естественным стремлением авторов найти прочную теоретическую базу исследований в плоскости источниковедческого анализа.

Мысли, высказываемые авторами по поводу указанных событий, стали еще более разнообразными, чем ранее. В условиях пестроты мнений многие вопросы и истории, и историографии гражданской войны остаются открытыми. Это касается проблем хронологии войны, ее истоков и этапов, оценки конкретных лидеров, роли и месте красного и белого движения, позиции отдельных социальных групп

во время войны, динамике настроений населения разных территорий, повседневной жизни граждан во время противостояния. Можно отнести к актуальным, как в историческом, так и в историографическом плане, вопросы социально-экономического положения страны в период войны; сохраняется необходимость разработки глубинных истоков, сущности, последствий политического противоборства революционного периода, значение его для мировой истории. Интересно, что авторы пытаются сосредоточиться на анализе жизненных ценностей людей того времени, на их внутренних противоречиях, на том, что многие оказались в сложной ситуации, не знали, как им поступить, на чью сторону встать в ходе гражданского конфликта. В историографии смещаются в центр акценты в процессе рассмотрения трудов, посвященных микро- и макроистории, усиливается человекоориентированный подход в оценке публикаций.

Изменились и сами историографы, в их среде есть специалисты с большим стажем работы и совсем молодые авторы. Современный зрелый историограф гражданской войны в большинстве случаев — это ученик «шестидесятников», старавшихся в рамках науки своего времени расширить проблематику исследований, укрепить научные принципы, пересмотреть некоторые методологические подходы в изучении темы, обратиться к изучению социально-экономических, политических, повседневных аспектов истории гражданской войны. Именно у них, впервые создававших научные школы по изучению гражданской войны в России, сделавших много для постановки самих историографических проблем, учился сегодняшний исследователь, он корнями оттуда, из советской историографии, и с трудом освобождается от принципов и традиций, сложившихся в предшествующий период.

Необходимо признать, что до настоящего времени нет полной картины вклада советских историографов в изучение проблемы с точки зрения современной науки. Интерес представляет мнение авторов, подчеркивающих необходимость дальнейшего изучения наследия ученых предшествующих периодов, не только с точки зрения анализа фактического материала, изложенного ими в публикациях, но и с целью рассмотрения их теоретических позиций. По-прежнему вызывает споры и нуждается в объективной оценке вклад в историографию гражданской войны последнего поколения советских исследователей. Перестройка, гласность, увеличение границ историографического поля, включение в анализ зарубежных публикаций значительно расширили основу работ, во многом изменили устоявшиеся представления о гражданской войне, что позволяет говорить о рубеже советского и постсоветского периода как весьма значимом в историографии. Для одних ученых он стал точкой отсчета нового этапа плодотворной работы, у них появилась возможность реализоваться, высказать то, что накопилось, не было напечатано в прежние годы. У других, напротив, период конца 1980-90 гг. стал временем самобичевания и профессиональной бесперспективности. При всем разнообразии оценок рубежа советской и постсоветской историографии, ученые признают, что был кризис, преодолеть который приходилось с большим трудом. Постепенно стал нарабатываться опыт, в том числе коллективной работы в новых условиях, в начале XXI в. вышли в свет обобщающие труды по истории революционного периода, сопровождающиеся историографическими очерками, появились и специальные монографии историографического плана, а также сборники статей, включавшие

материал по историографии гражданской войны. Анализ публикаций последних лет позволяет утверждать, что авторы, обращаясь к опыту отечественных и зарубежных предшественников, вплотную подошли к проблемам разработки интересных методологических решений, в основе которых лежит источниковедческий критерий определения ценности историографического труда [5].

Молодое поколение историографов, унаследовавшее достижения и просчеты своих предшественников, разрабатывает проблемы гражданской войны в условиях мощнейшей информатизации и глобализации науки. Авторы четко формулируют методологический посыл, говорят о системности и комплексности в анализе источников, проявляют стремление подать тему так, чтобы она вызвала интерес, имела нравственное, воспитательное значение, анализируют вклад национальных и региональных школ в изучение рассматриваемого периода. Вместе с тем оценка текущего состояния изученности темы осложняется тем, что она сопряжена с нерешенными методологическими вопросами, характеризуется разбросом мнений по одной и той же проблеме, неоднозначностью, а иногда и противоречивостью выводов. По мнению некоторых авторов, в свет продолжают выходить публикации различного качества, в ряде случаев больше похожих на библиографический список, а не на историографическое сочинение. Так, В. Рынков замечает у историографов превалирующее стремление к самоидентификации в сравнении с другими ценностными установками. Некоторые из его претензий к историографам являются вполне обоснованными. Однако проблема недостатков историографических исследований гораздо глубже. Она связана с уровнем и состоянием науки в целом, с ее положением в обществе, с трудностями методологического характера, а не только, как утверждает В. Рынков, с «саморефлексией историка» [6]. Назрела реальная необходимость использования и дальнейшего развития научного багажа, накопленного поколениями для изучения рассматриваемой проблемы. Кроме того, практика показывает, что в оценках ученого многое зависит не только от профессионализма, а от чего-то большего, например, его менталитета, глубинных житейских принципов и ценностей. Несомненно, исследователь должен уметь абстрагироваться от определенных установок, взглядов, стремиться к объективности, но это достаточно сложно. Именно эта сторона историографических исследований особенно актуальна. Она выражается в естественном интересе к личности и опыту ученого, его принципам, взглядам, к поведению в реальной жизни, например, в общении с коллегами, к динамике изучения им историографических источников, ведь взгляды могут измениться, особенно под воздействием, например, ранее не известного либо недоступного материала. Существенное замечание по поводу специфики труда историографа делает Ю.Л. Троицкий, который пишет: «Смыслопорождение историографического текста происходит не только за счет механизмов лингвистических и риторических, но и на уровне идеологическом: выбранный историком концепт «тащит» за собой историографический контекст своего бывшего обитания, который начинает взаимодействовать с новыми контекстами, подчиняя их или подчиняясь им, но всегда рождая неожиданные дополнительные смыслы помимо авторского намерения. Контекст (поле смысловых связей) концепта оказывается шире детоната (предмета) концепта, производя незапланированный «смысловой шум» трансформирующий авторскую интенцию» [7; 107]. В сложившейся ситуации становится актуальной проблема

самоопределения самого ученого, которому необходимо не только четко проговаривать, но и аргументировать свою позицию.

В условиях неоднозначности суждений и выводов по многим вопросам истории революционного периода возрастает значение обобщающих трудов, созданных коллективами ученых, написание которых сопряжено с реализацией крупных проектов, грантов, организацией научных конференций и симпозиумов. Сегодня ни одно сочинение по историографии гражданской войны, как бы ни стремился автор к комплексному анализу проблемы, не является таковым. Обобщающие историографические работы – это лишь часть всего того, что создается в процессе изучения темы. Историографический пласт сегодня видится как активно формирующийся, мобильный, многополюсный, разнообразный по своим теоретическим, источниковедческим и проблемным характеристикам, при этом решающая роль в нем принадлежит самому исследователю.

Продолжает дискутироваться вопрос о том, по каким показателям оценивать качество работ историографа. Несомненно, что это должны быть научные критерии, позволяющие выявлять, развивать традиции и инновации, устанавливать новое и важное в изучении проблемы. Делается это не с целью саморефлексии или самоутверждения в науке, а по причине необходимости обобщения, хранения и творческого анализа всего созданного за многие годы. Такая работа важна не только для исследователей и историографов, но и для людей, желающих знать историю. Кроме того, нельзя забывать принцип «не навреди», прежде всего тем, кто взялся изучать сложные вопросы революционных перемен. В условиях глобализации науки историография рассматриваемой темы является постоянно пополняемым информационным ресурсом, создающим возможность дальнейшего ее более глубоко изучения. Однако разброс имеющихся критериев оценки историографических трудов свидетельствует о необходимости поиска более эффективных методов работы. Для дальнейшей разработки теории историографии важны достижения в области истории философии, теории познания и когнитивной истории, подтверждающие возможность использования междисциплинарных методов в историографических исследованиях.

Особый интерес в этом отношении представляет теория и методология когнитивной истории, изложенная в трудах О.М. Медушевой [8]. Думается, что представленная в них парадигма вполне приемлема для историографических исследований, так как в центре внимания ученого в соответствии с когнитивно-информационной теорией находится интеллектуальный продукт, являющийся результатом деятельности людей. Исторический труд вполне соответствует критериям интеллектуального результата человеческой деятельности. В свою очередь он является историографическим источником, который требует доказательств с позиций научной объективности, установления его ценности и информационных возможностей при изучении конкретных проблем. Например, автор изучает оценку учеными феномена гражданской войны в России, что является важной составляющей его выводов о значимости проведенных историками исследований. Несомненно, при этом одним из главных критериев определения качества рассматриваемой работы является соответствие полученной им мыслительной конструкции имеющимся научным достижениям и историческим источникам. В свою очередь, нельзя забывать, что источники, на которые опирался историк, были написаны в соответствии с предназначенными

им функциями и, в свою очередь, нуждаются в проверке. Вполне очевидно, что любая мыслительная деятельность, при всем стремлении к объективности, страдает субъективизмом, но при всех неточностях и ошибках, если в ходе исследования появляется новая научно обоснованная информация о человеке и обществе, в котором он жил, то результат можно считать положительным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гражданская война как феномен истории: М-лы научной конф. 26 апреля 2008. Екатеринбург: УрГУ, 2008. 396 с.; Михайлов И.В. Современная историография гражданской войны в России // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 28-46; Ушаков А.И. Антибольшевистское движение в годы гражданской войны в России: вопросы методологии и историографии // Преподавание истории и обществознания в школе. 2009. № 4. С. 3-10; Верещагин А.С. Социально-экономическая политика в годы гражданской войны (трактовки и интерпретации отечественной историографии) // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2009. № 1. С. 80-82.
2. Кононенко А.А. Новейшая историография революции и гражданской войны в Зауралье // Вестник Тюменского государственного университета. 2008. № 1. С. 40-44; Ипполитов Г.М. Формационный подход к познанию истории: исчерпан ли его исследовательский потенциал? // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. Т.11. № 6. С. 231-239; Прокопенко С.А. О возможности синтеза формационного и цивилизационного подходов // Историческая наука и историческое образование на рубеже XX-XXI столетия. Екатеринбург: УрГПУ, 2000 // URL: <http://mmj.ru>; Леола А.В. Амбивалентность цивилизационного исторического сознания // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2011. № 5. С. 267-275.
3. Бажуков В.И. Антропологический подход к исследованию военной культуры: возможности и пределы // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 28-32; Камынин В.Д. Некоторые итоги историографического изучения истории гражданской войны на Урале // Гражданская война как феномен мировой истории (м-лы науч. конф. 26 апреля 2008). Екатеринбург: УрГУ, 2008. С. 17-18.
4. Верещагин А.С. Некоторые тенденции изменения корпуса источников в историографии гражданской войны // Вестник Башкирского института социальных технологий. 2010. № 3. С. 99-100.
5. Камынин В.Д. Проблемная историография в 1990 - первые годы XXI века: исследовательский опыт и перспективы развития // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2006. С. 270-271; Алексеев В.В. Историческая наука на Урале: достижения и проблемы // Уральский федеральный округ. 2006. № 3-4; Ипполитов Г.М. О новых подходах к освещению советского периода российской историографии (на примере гражданской войны в России) // Известия Самарского научного центра РАН. 2011. Т.13. № 3. С. 222-228; Гришанин П.И. Гражданская война и белое движение в исследовательской практике конца 80 - нач. 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2009. № 4. С. 48-62;
6. Рынков В.В. Мутное зеркало истории: современные историографические исследования гражданской войны на востоке России // Исторические исследования в Сибири и на Дальнем Востоке: проблемы и перспективы: М-лы регион. науч. конф. Новосибирск, 2007 // URL: <http://history/ns.ru>; Хут Л.Р. Современное сообщество российских историков в зеркале саморефлексии // Электронный научно-образовательный журнал: История. 2010. № 4. С. 9-10.
7. Троицкий Ю.Л. Что такое правда истории? (Самопорождение смысла в историографическом тексте) // Общественные науки и современность. 2010. № 1. С. 105-114.
8. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 358 с.